Проверено 1953 г.

КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 40

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1913.

Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ, В. Я. Чемберсомъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція **С. А. Князькова.**

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ, по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

I. Кіевская Русь.

1. Жилье восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
2. Торговля у восточныхъ славянъ С. В. Иванова.
3. Варяги В. М. Васнецова.
4. Христіанство и язычество С. И. Иванова.
5. Судъ во время Русской Правды И. Я. Билибина.
6. Вѣче А. М. Васнецова.
7. Съѣздъ князей С. В. Иванова.

II. Суздальская Русь.

8. Новгородскій торгъ А. М. Васнецова.
9. Баскаки С. И. Иванова.
10. Дворъ удѣльнаго князя А. М. Васнецова.

III. Московская Русь.

11. Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси С. В. Иванова.
12. Святѣйшій патріархъ С. В. Иванова.
13. Боярская дума С. В. Иванова.
14. Земскій Соборъ С. В. Иванова.
15. Въ приказѣ Московскихъ временъ С. В. Иванова.
16. Судъ въ Московскомъ государствѣ С. В. Иванова.
17. Воевода С. В. Иванова.
18. Смотръ служилыхъ людей С. В. Иванова.
19. На сторожевой границѣ Московскаго государства С. В. Иванова.
20. Стрѣльцы С. В. Иванова.
21. Юрьевъ день С. В. Иванова.
22. Площадь въ городѣ Московскаго времени А. М. Васнецова.
23. Монастырь въ Московской Руси А. М. Васнецова.
24. Школа въ Московской Руси Б. М. Кустодіева.
25. Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ А. М. Васнецова.
26. Въ смутное время С. В. Иванова.
27. Во времена раскола С. В. Иванова.

IV. Всероссійская Русь.

28. Въ нѣмецкой слободѣ А. Н. Бенуа.
29. Солдаты Петра Великаго Д. Н. Кардовскаго.
30. Флотъ Петра Великаго Е. Е. Лансере.
31. Засѣданіе Сената Петровскаго времени Д. Н. Кардовскаго.
32. Петербургъ при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
33. Смотръ новиковъ Д. Н. Кардовскаго.
34. Гуляньe въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ А. Н. Бенуа.
35. Петръ Великій В. А. Сѣрова.
36. Императрица Анна и ея дворъ Д. Н. Кардовскаго.
37. Цесаревна Елисавета у Преображенскихъ казармъ 25 ноября 1741 г. Е. Е. Лансере.
38. Выходъ императрицы Екатерины II А. Н. Бенуа.
39. Въ лагерѣ Екатерининск. солдатъ А. Н. Бенуа.
40. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена В. Я. Чемберса.
41. Утро помѣщика конца XVIII, нач. XIX вв. А. Н. Бенуа.
42. Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ А. Н. Бенуа.
43. Въ разоренной Москвѣ (1812 г.) Д. Н. Кардовскаго.
44. Въ военномъ поселеніи М. В. Добужинскаго.
45. Оборона Севастополя Д. Н. Кардовскаго.
46. Ученіе солдатъ въ Николаевское время М. В. Добужинскаго.
47. Городъ въ Николаевскія времена М. В. Добужинскаго.
48. Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ Д. Н. Кардовскаго.
49. Люди 40-хъ годовъ М. В. Добужинскаго.
50. Освобожденіе крестьянъ Б. М. Кустодіева.

ДОПОЛНЕНІЕ I. На зарѣ исторіи Н. К. Рериха.

8166

Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

С. А. КНЯЗЬКОВА.

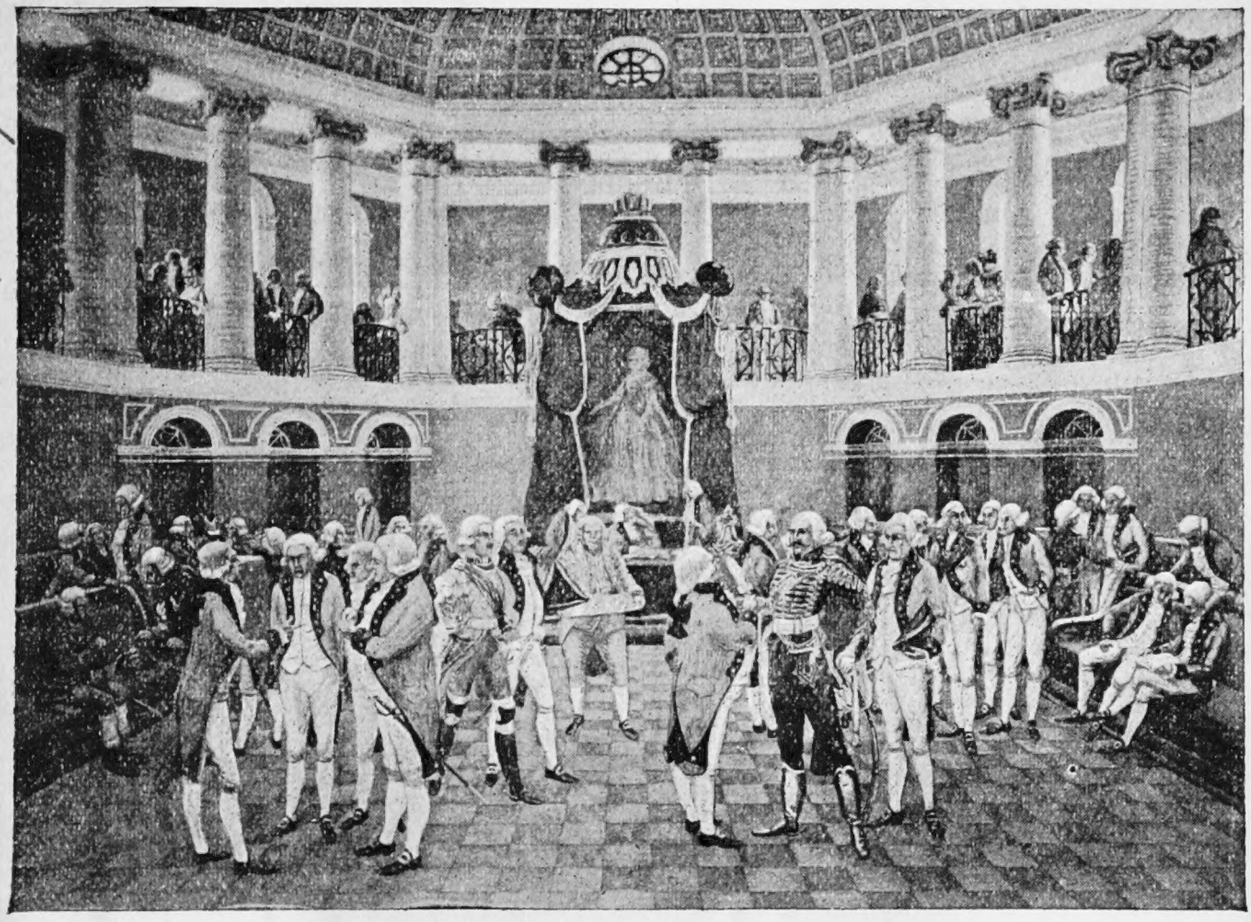
ИНСТИТУТЪ УЧИТЕЛЬСКІЙ С.П.Б.

947 К-26 8166/40

Объяснительный текстъ

къ картинѣ № 40.

1054/39



В. Я. Чемберсъ. Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена.

Научная Б-ка им. Горького при ЛГУ

Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1913.

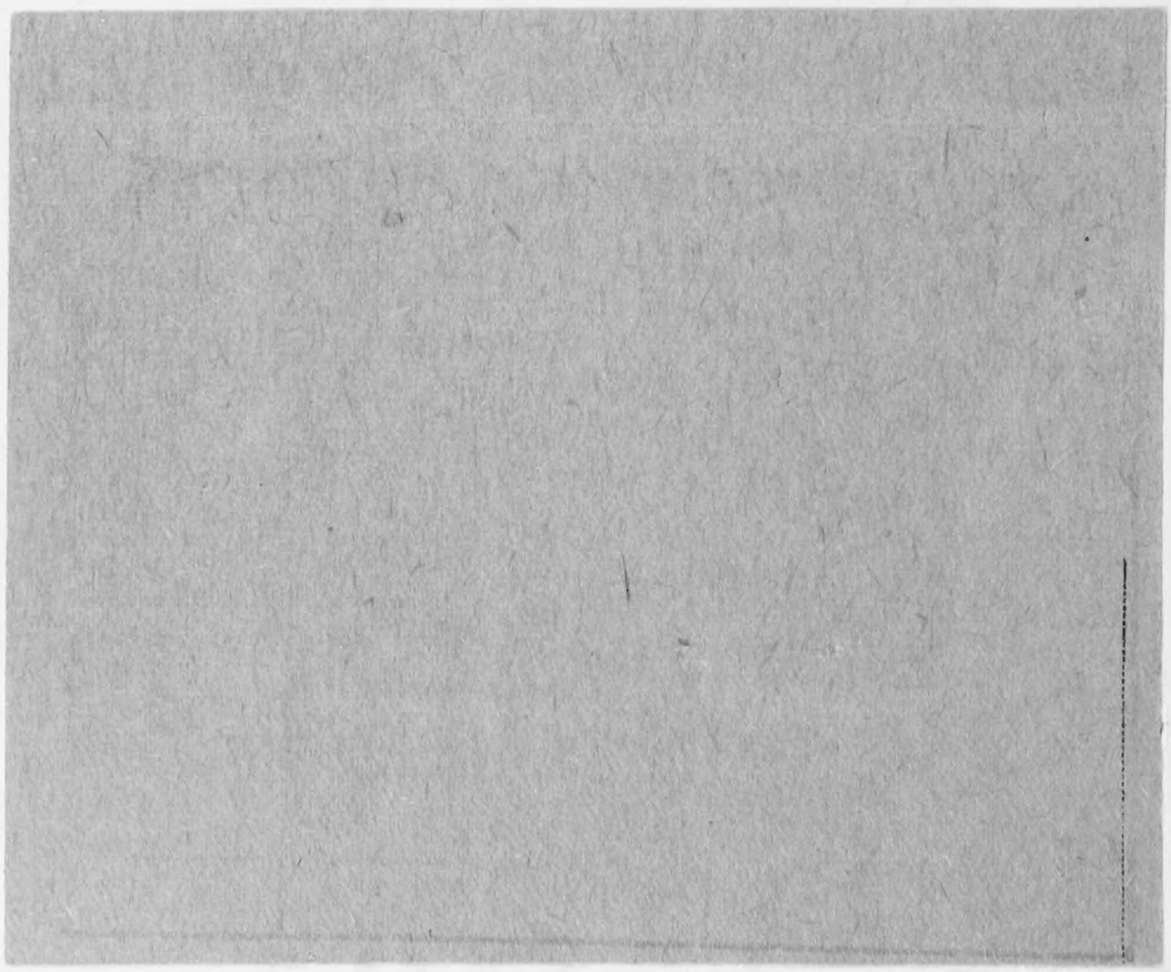
Каталог

ПРОВЕРКА 1950

Лен. Гос. Пед. Ин-т БИБЛИОТЕКА ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

2
4819-40

5634



Т-во СКОРОПЕЧАТНИ А.А.ЛЕВЕНСОНЪ
Москва, Тверская, Трехпрудный пер., соб. д.
1913 г.

Научная б-ка
им. Горького
при ЛГУ

Русское дворянство Екатерининскихъ временъ.

(Къ картинѣ В. Я. Чемберса. «Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена»).

Восемнадцатый вѣкъ въ Россіи характеризуется нашими историками, обыкновенно, какъ эпоха преимущественнаго господства въ обществѣ и государствѣ дворянскаго сословія. Дворянинъ былъ первый человѣкъ въ правительствѣ, потому что изъ дворянъ состояло все руководившее управленіемъ чиновничество; дворянинъ былъ первый человѣкъ въ войскѣ, потому что все офицерство арміи, а въ гвардіи въ значительной мѣрѣ и солдаты, были изъ дворянъ; въ рукахъ дворянства сосредоточивался главный экономическій капиталъ страны — земля, обрабатывавшаяся крѣпостными крестьянами находившимися въ собственности дворянъ, что дѣлало дворянъ и самымъ обезпеченнымъ разрядомъ русскаго общества; обязанные со временъ Петра Великаго учиться, дворяне были, наконецъ, и самымъ просвѣщеннымъ и культурнымъ слоемъ русскаго общества; это первенствующее во всѣхъ отношеніяхъ значеніе дворянства въ русскомъ обществѣ было слѣдствіемъ всей исторической жизни сословія и русской общественности, какъ она сложилась ко времени Петра Великаго.

Сословныя преобразованія Петра Великаго закрѣпили это историческое слѣдствіе. Русское дворянство первой половины XVIII-го вѣка, являясь первенствующей и господствующей силой въ странѣ, не было, однако, силой свободной и находилось, такъ сказать, въ крѣпостной зависимости отъ государства, такъ какъ члены сословія обязаны были пожизненно служить на военной или гражданской службѣ, и отъ ранней молодости, еще дѣтьми, должны были готовиться къ службѣ путемъ ученья по установленной верховной властью программѣ. Дворянинъ этой эпохи—служилый человѣкъ, который служитъ

тамъ, куда его пошлютъ; и дѣлаетъ то дѣло, къ которому его приставятъ. Такъ было до манифеста 18-го февраля 1762 года о вольности дворянства. Этотъ манифестъ имѣлъ огромное значеніе для судебъ не только дворянскаго сословія, но и для исторіи всей русской общественности.

«До манифеста о вольности дворянства, пишетъ историкъ Н. Д. Чечулинъ,—въ русской провинціи не было, можно сказать, никакого общества: провинціальные города были совершенно незначительны, населеніе ихъ весьма немногочисленно и принадлежало почти сплошь къ низшему классу; административныхъ органовъ было очень мало, и дворяне почти не принимали въ нихъ участія,—дворянство почти все было на службѣ, т. е. въ столицахъ, или гдѣ-нибудь у границъ въ войскахъ. Большинство тогдашнихъ городовъ, особенно по окраинамъ государства, почти не отличалось отъ деревень: иные, даже обращенные потомъ въ губернскіе, состояли всего изъ одной улицы и имѣли по одной церкви; случалось, что городъ стоялъ на болотѣ —и ничего не предпринималось для его осушенія; встрѣчались въ городахъ такіе буераки, мимо которыхъ опасно было проѣзжать, или мосты, по которымъ нужно было отдѣльно переходить и переводить лошадей и экипажи; улицы, конечно, были не мощены, и лишь иногда главная устилалась бревнами; кажется, вслѣдствіе распространеннаго убѣжденія, будто каменные дома вредны для здоровья, жители неохотно строили ихъ, не смотря на побужденіе и даже поддержку со стороны правительства, — и большинство строеній составляли жалкія лачуги, въ мало лѣсныхъ мѣстахъ крытыя соломой; подъ соломенными крышами помѣщались иногда даже магистраты; во многихъ городахъ не было ни рынка, ни лавокъ, такъ что не въ базарный день было очень трудно чго-либо купить; вмѣсто гостиницъ были лишь жалкіе постоялые дворы; ни аптекъ, ни докторовъ нигдѣ, кромѣ Петербурга и Москвы, не было; почтовыхъ конторъ въ большинствѣ городовъ — тоже. Вообще внѣшній видъ большей части городовъ напоминалъ, мнѣ кажется, окраины теперешнихъ маленькихъ уѣздныхъ, и, можно сказать, кажется, что каково теперь населеніе окраинъ въ уѣздныхъ городахъ, таково приблизительно было и все тогдашнее городское населеніе... Немногочисленное населеніе занималось преимущественно хлѣбопашествомъ, поголовно почти было безграмотно, прозябало въ грязи и грубости... Чиновничество — приказные — по своему развитію и образу жизни мало чѣмъ

стояли выше горожанъ и были въ массѣ всѣми презираемы за свою недобросовѣстность, алчность, взяточничество и грубость.

«Такимъ образомъ ничто не привлекало дворянъ въ города, ничто ихъ тутъ не сосредоточивало; кромѣ того, дворяне вообще неохотно сходились съ лицами другихъ сословій; между тѣмъ своя деревня представляла возможность и ближе смотрѣть за хозяйствомъ, и повеселиться охотой; такъ что дворяне, получивъ отставку, немедленно разъѣзжались по своимъ деревнямъ; гамъ собирались, такимъ образомъ, и отставленные отъ службы старики, да семейства служившихъ, не имѣвшія почему-либо возможности жить вмѣстѣ со служившими отцами и братьями; большею частью причиною этого былъ недостатокъ средствъ»...

И въ столицахъ дворянство жило немногимъ лучше; здѣсь развѣ только обстановка внѣшней жизни была по-изящнѣе, интересы разнообразнѣе, самая жизнь болѣе содержательной, болѣе богатой событіями. Здѣсь дворяне болѣе чувствовали свое руководящее значеніе въ государствѣ, что вмѣстѣ съ болѣе обезпеченнымъ матеріальнымъ положеніемъ создавало въ столичномъ дворянствѣ привычку къ власти, нѣкоторый вкусъ къ общественнымъ дѣламъ, сноровку въ обращеніи съ людьми. Но все это лишь постольку, поскольку соприкасалось съ личной службой каждаго отдѣльнаго дворянина, поскольку было вредно или полезно служебному преуспѣянію дворянина. О какомъ-либо сословномъ единеніи общедворянскихъ интересахъ мало кто и думалъ. Пока дворянство находилось на принудительной службѣ, естественно, каждый дворянинъ заботился лишь о своемъ прокормленіи, о своемъ мѣстѣ, о своемъ повышеніи на службѣ.

Мечтой, объединявшей все дворянство, было тогда одно— освободиться отъ обязательной службы, сохранивъ при этомъ право владѣть землей и крѣпостными. Правительства той поры, смѣнявшія одно другое у кормила власти не совсѣмъ спокойными путями, а чаще при помощи гвардіи, въ которой служилъ цвѣтъ дворянства, во многомъ чувствовали свою зависимость отъ дворянства и должны были, какъ тогда говорилось, «ласкать» гвардію и дворянство. Эта «ласка» выражалась въ облегченіи обязательной службы дворянства и въ закрѣпленіи за дворянствомъ землевладѣльческихъ правъ и вотчинной власти въ ихъ имѣніяхъ. Всѣ эти отдѣльныя мѣры завершились, наконецъ, издані-

емъ манифеста 18 февр. 1762 г., даровавшаго дворянамъ столь желанную вольность.

Этимъ законодательнымъ актомъ въ корнѣ измѣнялись условія жизни, быта и общественнаго значенія прежняго служилаго сословія: освобожденное отъ обязательной службы и сохранявшее всѣ изъ этой службы вытекавшія или этой службой созданныя права и преимущества, прежніе служилые люди превращались въ привиллегированныхъ дворянъ.

«Правительство Петра III,—говоритъ Н. П. Павловъ-Сильванскій,—не находило той необходимости въ принужденіи дворянства къ службѣ, какая до того времени потребна была», такъ какъ лежавшая въ предшествовавшія царствованія на дворянствѣ обязанность службы и ученія принесла свои благіе плоды: «послѣдовали оттого неисчетныя пользы, истреблена грубость въ нерадивыхъ о пользѣ общей, перемѣнилось невѣжество въ здравый разсудокъ; полезное знаніе и прилежность къ службѣ умножили въ военномъ дѣлѣ искусныхъ и храбрыхъ генераловъ, въ гражданскихъ и политическихъ дѣлахъ поставили свѣдущихъ и годныхъ людей къ дѣлу, однимъ словомъ заключить: благородныя мысли вкоренили въ сердцахъ всѣхъ истинныхъ Россіи патріотовъ безпредѣльную къ намъ вѣрность и любовь, великое усердіе и отмѣнную къ службѣ нашей ревность».

Освободивъ дворянство отъ обязательной службы, манифестъ дозволялъ дворянамъ безпрепятственно отъѣзжать въ другія европейскія государства и служить иностраннымъ государямъ—возвратилъ, слѣдовательно, дворянству отнятое у него московскими государями право отъѣзда. Манифестъ требуетъ, однако, отъ дворянъ, что бы «никто не дерзалъ безъ обученія пристойныхъ благородному дворянству наукъ дѣтей своихъ воспитывать», подъ страхомъ тяжкаго гнѣва государева. Въ отношеніи службы манифестъ удерживаетъ за государемъ право обязывать дворянъ служить неволею, «когда особливая надобность потребуетъ» и возлагаетъ на дворянъ нравственную обязанность «не только не удаляться, ниже укрываться отъ службы, но съ ревностью и желаніемъ въ оную вступать и честнымъ и незазорнымъ образомъ оную по крайней возможности продолжать».

Манифестъ 1762 г. былъ принятъ дворянствомъ съ необычайной радостью; выраженія благодарности шли отовсюду; сенатъ просилъ государя о разрѣшеніи соорудить золотую

статую императора; поэты посвящали Петру III торжественно-благодарительныя оды; всюду произносились «восхваляющія» рѣчи; по словамъ современника, трудно даже изобразить, «то неописуемое удовольствіе, которое произвела та бумажка» среди дворянъ.

Дворяне немедленно широко воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ не служить; по разсказамъ современниковъ, всѣ дороги изъ Петербурга и Москвы покрылись дворянами, которые оставили службу и спѣшили разъѣхаться по своимъ деревнямъ. Провинціальная жизнь необыкновенно быстро стала мѣнять свой обликъ, дворянскія усадьбы ожили, по всѣмъ угламъ деревенской Россіи появились люди, насмотрѣвшіеся петербургской жизни, привыкшіе къ ней; въ деревню на житье пріѣхали теперь люди, въ большинствѣ случаевъ бодрые, еще съ энергіей, съ кое-какими знаніями, видавшіе во время походовъ семилѣтней войны европейскую жизнь, познавшіе на дѣлѣ плоды образованія и выгоды знанія, привыкшіе къ обществу; конечно, они не могли въ массѣ подчиниться тому, что должны были увидать по деревнямъ, и невольно стали стремиться къ тому, чтобы поднять косное и неподвижное деревенское дворянское общество до уровня своихъ вкусовъ, наклонностей и стремленій.

Екатерининское царствованіе дало новые толчки впередъ пробуждавшейся жизни русской провинціи и создало тѣ точки приложенія дворянской общественной самодѣятельности, которыя укрѣпили значеніе дворянства какъ силы, руководящей и господствующей въ русской жизни XVIII-го и первой половины XIX-го вв. Императрица Екатерина II, по своимъ государственно-общественнымъ взглядамъ и убѣжденіямъ, была яркой представительницей господствовавшаго тогда въ Европѣ просвѣщеннаго абсолютизма. Другъ философовъ и мыслителей своего времени, она любила поговорить и поразсуждать устно и письменно о «свободѣ» и «равенствѣ» людей, но на дѣлѣ она была убѣжденная самодержица, считала эту форму правленія наилучшей для Россіи и въ просвѣщенности монарха видѣла лучшее обезпеченіе «свободы» и «равенства» подданныхъ. Просвѣщенный монархъ, издающій просвѣщенные законы, имѣющіе въ виду благо подданныхъ, и управляющій по этимъ законамъ, создаетъ благополучіе страны и подвластныхъ. Ближайшими исполнителями благорасположенныхъ къ подданнымъ предначертаній самодержавнаго монарха являются люди, избираемые и постано-

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ
1054/39
ИНОСТРАН. ЯЗЫКОВ

вляемые на то монархомъ. Монархъ беретъ этихъ людей по преимуществу изъ того разряда населенія, который издавна, исторически сложившимся путемъ даетъ государству первыхъ слугъ и исполнителей монаршей воли, т.-е. изъ дворянства. Но эти первые слуги должны не за страхъ токмо, но и за совѣсть творить волю монаршую, должны быть убѣжденными проводниками просвѣтительныхъ идей монарха, а для того должны, такъ сказать, прежде всего сознать сами себя, сплотиться, сорганизоваться въ одно цѣлое сообщество и въ трудѣ надъ собственнымъ самоустройствомъ проникнуться идеями общаго блага, вырости въ передовое сословіе, «предходатайствующее» передъ престоломъ, руководясь общими предначертаніями, отъ монарха исходящими, о нуждахъ и благахъ всей страны, всѣхъ разрядовъ населенія.

Изданіемъ «Жалованной грамоты на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства» (21-го апрѣля 1785 г.) императрица Екатерина II и попыталась оформить съ указанной точки зрѣнія первенствующее положеніе дворянства въ странѣ. Жалованная грамота подтвердила прежде всего манифестъ 1762 г. о вольности дворянства, наслѣдственность дворянскаго званія, исключительное право владѣнія населенными имѣніями, свободу дворянъ отъ личныхъ податей, даровала дворянству свободу отъ тѣлеснаго наказанія и большія преимущества въ порядкѣ суда: «да не судится благородный окромѣ своими равными; дѣло благороднаго, впадшаго въ уголовное преступленіе, да не вершится безъ внесенія въ сенатъ и конфирмаціи Императорскаго Величества».

Дворянству дано было право внутренняго самоуправленія и предоставлено довольно значительное участіе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія. Дворяне каждой губерніи составляли какъ бы одно общество. Еще по Учрежденію о губерніяхъ 1775 года, подтвержденному Жалованной грамотой, дворянскія общества могли избирать себѣ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и депутатовъ для веденія разныхъ своихъ дворянскихъ дѣлъ; дворяне выбирали уѣздныхъ судей и засѣдателей верхняго земскаго суда, гдѣ разбирались дѣла дворянъ по ихъ спорамъ, искамъ и преступленіямъ; дворяне избирали, наконецъ, главу уѣздной полиціи—капитана-исправника, который съ тремя тоже избранными дворянствомъ засѣдателями вѣдалъ всей безопасностью уѣзда и исполнялъ всѣ порученія, приказанія

и указы центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій. Дворянскому обществу каждой губерніи даровано было право «дѣлать представленія и жалобы черезъ депутатовъ (для того избираемыхъ) какъ сенату, такъ и Императорскому Величеству; дворянство получило также право «составлять особливую казну своими добровольными складками и оную казну употреблять имъ по общему ихъ согласію». На эти деньги дворяне могли устраивать школы для своихъ дѣтей, больницы, пріюты для бѣдныхъ вдовъ и сиротъ своего сословія. Дворянству, словомъ, открывалось широкое поприще и для устройства своего быта, и для участія въ мѣстномъ управленіи. Все это должно было сильно поднять значеніе дворянскаго сословія и пробудить въ его средѣ широкіе и общественные интересы. Еще раньше, по тому дѣятельному участію, какое дворянство приняло въ выборахъ депутатовъ въ созванную императрицей Екатериной II въ 1767 г. Комиссію по составленію новыхъ законовъ, по участію дворянъ въ работахъ комиссіи сталъ замѣтенъ подъемъ сознанія въ дворянствѣ своей силы и своего значенія въ государствѣ. «Учрежденіе о губерніяхъ» (1775 г.) предоставлявшее дворянству такое большое значеніе въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, и, наконецъ, «Жалованная Грамота» дворянству (1785 г.), подтвердившая всѣ личныя и сословныя права и привилегіи дворянства, могли только способствовать дальнѣйшему росту значенія дворянства въ ряду другихъ сословій и упрочить его руководящее положеніе въ мѣстной жизни каждой отдѣльной губерніи.

По отзывамъ современниковъ, всѣ эти мѣры и реформы императрицы Екатерины II произвели «великое потрясеніе умовъ», заставили дворянъ «мыслить, хлопотать и заботиться». Новые законы о мѣстномъ управленіи и Жалованную Грамоту всѣ читали «съ особливымъ вниманіемъ и готовились заблаговременно уже ко всѣмъ перемѣнамъ, долженствующимъ проистечь изъ сего важнаго преобразованія». Другой современникъ пишетъ, что новыя учрежденія принесли большую пользу для имперіи: «прежде,—говоритъ онъ,—одинъ воевода съ товарищемъ управлялъ цѣлою губерніей, и въ дѣлахъ была большая проволочка и неудобность. Дворянство, живущее въ деревняхъ, не имѣло столько способовъ въ воспитаніи дѣтей и, мало между собой сообщаясь, оставалось въ совершенной праздности и безъ всякой пользы для отечества; нравы не обрабатывались и оставались загрубѣлыми, особливо въ отдаленныхъ губерніяхъ»... теперь

же, послѣ изданія новыхъ законовъ,—стало распространяться «нѣкоторое нужное просвѣщеніе и обходительность»...

Записки современниковъ полны восторженныхъ описаній того подъема общественности, которую создавали новыя учрежденія и законы. «Къ важному и навѣки достопамятному для города дню,—пишетъ современникъ объ открытіи новыхъ губернскихъ учрежденій, самихъ губерній и намѣстничества*),—готовили дома для намѣстника, губернатора и другихъ высшихъ чиновниковъ, для новыхъ присутственныхъ мѣстъ, для дворянскаго собранія, для чего, скорости ради, обращали иногда одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ города въ одну залу; строили деревянный театръ, готовили фейерверкъ, помѣщеніе для общественныхъ баловъ и маскарадовъ, потому что открытіе новыхъ учрежденій сопровождалось разными увеселеніями. Въ городъ собиралось все окрестное дворянство; до того, пишетъ современникъ, въ городахъ «никогда еще не видывали столь великаго множества и знатнаго, и средняго, и мелкаго дворянства»; въ Новгородъ, напримѣръ, съѣхалось на открытіе намѣстничества до 650, въ Тверь—480 дворянъ; конечно, много пили, ѣли, играли, танцовали, но и разсуждали, разговаривали, думали, дѣлились впечатлѣніями, готовились къ выборамъ, сговаривались о кандидатахъ на разныя выборныя должности какъ по своему дворянскому самоуправленію, такъ и по мѣстному управленію.

Въ назначенный для открытія новыхъ учрежденій день всѣ съѣхавшіеся дворяне прибыли въ соборъ; тамъ послѣ молебна, совершеннаго архіерейскимъ служеніемъ, былъ прочитанъ манифестъ, послѣ чего всѣ дворяне отправлялись торжественнымъ шествіемъ, съ намѣстникомъ и губернаторомъ во главѣ, въ домъ дворянскаго собранія; выстроенный по пути шествія шпалерами гарнизонъ отдавалъ честь ружьемъ при барабанномъ боѣ; залъ собранія былъ богато украшенъ; у стѣны противъ главнаго входа возвышалась эстрада, убранная краснымъ сукномъ и коврами. На эстрадѣ стоялъ столъ, покрытый бархатомъ, у стола кресла для предводителя; за креслами возвышался портретъ государыни во весь ростъ, осѣненный балдахиномъ изъ малиноваго бархата съ золотымъ позументомъ и бахромою; на столѣ лежали книги новыхъ учрежденій и жалованная грамота въ богатыхъ пере-

*) Намѣстничества,—впослѣдствіи упраздненныя, состояли изъ двухъ, трехъ губерній; учреждены они были не повсемѣстно.

плетахъ; по стѣнамъ залы стояли диваны и скамьи со стѣнками, обитыя малиновымъ или другого какого-либо цвѣта сукномъ и бархатомъ для дворянства*). На хорахъ собирались семьи дворянъ.

Сами дворяне, не служащіе въ военной службѣ, должны были являться на собранія и выборы съ 1784 г. въ особыхъ мундирахъ. Имперія была раздѣлена на три полосы—сѣверную, среднюю и южную, и для мундировъ дворянъ каждой полосы назначены были особые цвѣта, съ различіями по губерніямъ, заимствованными изъ цвѣтовъ губернскихъ гербовъ. Напримѣръ, въ С.-Петербургской губерніи, причисленной къ сѣверной полосѣ, мундирные кафтаны были свѣтло-синяго сукна, лацканы, воротникъ и обшлага черные бархатные; подбой черный, камзолъ бѣлый, пуговицы желтыя. На картинѣ изображено собраніе дворянъ одной изъ губерній сѣверной полосы. У дворянъ московской губерніи—средней полосы—кафтаны были красные съ воротниками и обшлагами «желѣзнаго цвѣта», подкладки и камзолы бѣлые, пуговицы золотыя. Въ губерніяхъ южной полосы, въ Кіевской, напримѣръ, мундиры были темно-вишневые съ свѣтло-голубымъ воротникомъ, лацканами и обшлагами на свѣтло-голубой подкладкѣ, камзолы и пуговицы бѣлые. Дворянскія жены и дочери должны были надѣвать платья соотвѣтствующихъ цвѣтовъ и установленнаго фасона—это было сдѣлано для предупрежденія роскоши: «губернскимъ мундирамъ,—говорила императрица,—рады отцы да мужья». Дарованіемъ особыхъ для каждой губерніи мундировъ императрица хотѣла наглядно подчеркнуть принадлежность каждаго дворянина къ тому или другому дворянскому обществу. Военные, состоящіе на дѣйствительной службѣ, являлись въ своихъ воинскихъ мундирахъ. На картинѣ, въ серединѣ ея, на первомъ планѣ видна пышная фигура гусара екатерининскихъ временъ, нѣсколько лѣвѣе идетъ кавалегардъ, офицеръ конной гвардіи, въ своей блестящей формѣ, влѣво, у края сидитъ старичокъ-военный въ старой формѣ еще аннинскихъ временъ.

Со ступенекъ возвышенія, ставъ нѣсколько въ сторону отъ портрета, намѣстникъ, окруженный чиновниками и гостями, говорилъ привѣтственную рѣчь дворянству, которую собраніе выслушивало стоя; затѣмъ онъ предлагалъ трехъ кандидатовъ

---

*) См. картину.

въ губернскіе предводители, послѣ чего начиналась баллотировка шарами; дворянамъ, сидѣвшимъ на скамьяхъ и диванахъ раздавали по шарику и потомъ обносили ихъ баллотировочными ящиками; на картинѣ виденъ лакей, который несетъ блюдо съ баллотировочными шарами; губернскій прокуроръ считалъ шары на виду у всѣхъ. Избранный предводитель подъ привѣтственные крики собранія занималъ мѣсто за столомъ подъ портретомъ, а намѣстникъ удалялся. Подъ предсѣдательствомъ предводителя выбирали на другой и на третій день уѣздныхъ предводителей и тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя по закону должны быть избранными отъ дворянства въ различныя мѣстныя учрежденія и суды. Намѣстникъ приводилъ избранныхъ къ присягѣ и «садилъ» ихъ въ тѣ присутственныя мѣста, куда они были избраны. Все это длилось отъ пяти дней до недѣли. По вечерамъ во время съѣзда происходили разныя увеселенія: спектакли труппы, набранной изъ чиновниковъ, маскарады, фейерверки, парадные обѣды у намѣстника, предводителя, иногда даже и у мѣстнаго архіерея.

По окончаніи выборовъ большинство дворянъ разъѣзжались по своимъ деревнямъ. Домой они привозили множество новыхъ впечатлѣній, новыхъ интересовъ, новыхъ темъ для размышленій и разговоровъ; завязавшіяся на выборахъ новыя знакомства давали возможность ясно и отчетливо ощущать себя дѣятельными членами общества. «Теперь всякій помѣщикъ долженъ былъ жить не только для своего дома и семьи, отдѣльно отъ всѣхъ и всего; теперь онъ имѣлъ новыя права, новыя обязанности, новые интересы; у помѣщиковъ-сосѣдей были теперь поводы, собираясь, говорить не объ одномъ своемъ хозяйствѣ, не объ однѣхъ собакахъ и лошадяхъ, а обсуждать дѣла всей губерніи и своего уѣзда, и это обсужденіе должно было итти тѣмъ живѣе и дѣльнѣе, что каждый дворянинъ могъ, прямо или косвенно, принимать участіе въ ходѣ и рѣшеніи тѣхъ дѣлъ.

Такимъ образомъ, та общественная жизнь, которая началась торжествами открытія новыхъ губернскихъ учрежденій и дворянскими съѣздами, уже не прекращалась. Въ городахъ стало жить много дворянъ, избранныхъ въ судьи и засѣдатели: «все это люди большею частью еще не старые, болѣе или менѣе, развитые, интересующіеся разными вопросами; они сближаются, живутъ въ постоянномъ общеніи другъ съ другомъ, устраиваютъ

спектакли, совмѣстное чтеніе книгъ, музыкальные вечера; нѣкоторые губернаторы собираютъ въ своихъ домахъ общество, предлагая молодежи танцы и игры, а людямъ пожилымъ умные и интересные разговоры о политикѣ, литературѣ, искусствѣ; у иныхъ губернаторовъ большія библіотеки, которыя они предоставляютъ въ пользованіе желающихъ читать. «Это то же общество — говоритъ авторъ статьи о русскомъ провинціальномъ обществѣ XVIII-го вѣка Н. Д. Чечулинъ, — что было и прежде, но обстоятельства измѣнились, и оно мѣняется; связанное и сплоченное общими интересами, оно «занимается общежитіемъ» по выраженію Сиверса, новгородскаго намѣстника тѣхъ временъ.

По этому началу можно было ожидать блестящаго расцвѣта общественной жизни въ русской провинціи, но на дѣлѣ вышло не совсѣмъ такъ. «Въ первые годы царствованія Екатерины II сословное управленіе интересовало дворянство, провинціальное общество предалось съ увлеченіемъ и энергіей этому новому для него дѣлу, но затѣмъ мало-по-малу первый пылъ сталъ охладѣвать, интересъ къ сословнымъ дѣламъ сталъ постепенно угасать... Первые съѣзды были чрезвычайно многолюдны: на нихъ участвовали почти поголовно всѣ дворяне уѣзда, а затѣмъ число участниковъ стало очень сокращаться; на съѣздахъ скоро обозначились двѣ партіи: одна — богатыхъ и знатныхъ, другая — мелкопомѣстныхъ, «захудалыхъ» дворянъ. Богатое дворянство стало пренебрегать службой по выборамъ и перестало интересоваться сословнымъ управленіемъ; богатую знать привлекала жизнь и служба въ столицѣ тѣмъ болѣе, что правительственная служба давала больше власти и почета; всѣ выборныя должности по мѣстному управленію были не очень вліятельныя и всѣ были въ порядкѣ подчиненности въ зависимости отъ правительственныхъ чиновниковъ съ губернаторомъ и намѣстникомъ во главѣ.

Дворяне, убѣдившись въ малой выгодѣ по отношенію къ карьернымъ вопросамъ службы по выборамъ, стали, какъ тогда говорили, «отлынивать» отъ нея. Число нѣтчиковъ стало все увеличиваться, многія выборныя должности оставались незамѣщенными, другія стали замѣщаться дворянами мелкопомѣстными и невѣжественными, которые мирились съ подчиненностью губернаторамъ и, приниженные бѣдностью, легко превращались въ слѣпыхъ исполнителей предначертаній губернскаго начальства, что, конечно, принижало и самыя выборныя долж-

ности. Служба по выборамъ перестала привлекать болѣе культурную часть дворянства; послѣднее опять потянулось въ столицы, къ той же правительственной службѣ, отъ которой оно съ такой радостью ушло въ 1762 году въ деревню. Въ провинціи осталась менѣе обезпеченная и менѣе культурная часть. Изъ ея среды и стали пополняться выборныя должности, но такіе выборные, дорожа своимъ содержаніемъ, дѣлали все, что имъ прикажетъ начальство и, конечно, совсѣмъ не пользовались предоставленнымъ дворянскимъ обществамъ правомъ ходатайствовать передъ престоломъ о нуждахъ своихъ губерній и уѣздовъ, возлагая всѣ заботы объ этихъ нуждахъ на губернское начальство.

Въ результатѣ дворянство первенствовало въ жизни провинціи, какъ общественная сила наиболѣе богатая и образованная и пользовавшаяся большими преимуществами, дарованными ему государственной властью, но оно не руководило жизнью провинціи — это руководство попрежнему оставалось въ рукахъ назначаемыхъ изъ Петербурга верховной властью высшихъ губернскихъ чиновъ. Случилось это такъ, благодаря той половинчатости, съ которой были проведены въ жизнь начала самоуправленія въ екатерининскихъ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ выборныя должности были подчинены коронным; по Учрежденію о губерніяхъ хозяинъ губерніи — губернаторъ — являлся единственнымъ безконтрольнымъ посредникомъ между областью и верховной властью. По замѣчанію кн. Щербатова намѣстники и губернаторы, «бывъ деспоты въ губерніяхъ, всегда могутъ имѣть нѣкоторую партію для избранія кого пожелаютъ... а потому всѣ судьи и будутъ по ихъ волѣ выбираться».

Такъ и вышло, что на основѣ дворянскаго самоуправленія не выросло самостоятельности мѣстныхъ міровъ, не создалось ихъ независимости въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ отъ центральной власти, т. е. не создалось того, что, какъ казалось даже современникамъ съ императрицей во главѣ, должно было вырости. Современники указали и еще одну причину такого исхода дѣла: «важнѣйшимъ и точно полезнымъ пріобрѣтеніемъ — пишетъ одинъ современникъ, — можно бы почесть права и преимущества дворянству данныя, ежели бы мы умѣли читать и писать»... По его словамъ, послѣ того какъ наиболѣе культурная часть дворянства потянулась снова въ столицы, дворянскія собранія наполнились представителями «благородной черни», члены которой «по грубости своей и бѣдности рѣдко даже бывали въ своихъ

уѣздныхъ городахъ и развѣ съ нуждою умѣли читать и писать». Тогда-то «во всѣхъ собраніяхъ дворянства, — по словамъ другого современника, — кромѣ нелѣпостей, споровъ о пустякахъ и ссоръ никогда ни одно дѣльное дѣло не было предлагаемо», и съѣзды дворянъ стали сопровождаться кутежами и разгуломъ.

Значитъ, общая неразвитость, некультурность массы дворянскаго сословія, господствовавшее въ низахъ его невѣжество, пышно расцвѣтавшіе на ослаблявшемъ всякую энергію, всякій личный починъ крѣпостномъ правѣ — вотъ главныя причины того, почему начала самоуправленія не могли войти въ тогдашнюю русскую жизнь, и почему дворянство, оставаясь первенствующимъ сословіемъ на мѣстахъ, не стало руководящей мѣстной жизнью силой.

Реформы Екатерины II укрѣпили только корпоративную связь сословія, подчеркнули его права и привилегіи и тѣмъ самымъ сообщили новый характеръ жизни русской провинціи, пріобщили провинціальное дворянское общество къ тѣмъ новымъ формамъ общественности, которыя въ началѣ XVIII-го вѣка вырабатывались около двора, въ средѣ привилегированнаго населенія столицъ, въ средѣ знати и столичнаго дворянства. Эти новыя формы общественности не являютъ собой чего-либо особеннаго. Какихъ-либо новыхъ явленій умственной и нравственной жизни тутъ и искать нечего; но зато въ области внѣшняго обихода дворянская провинція послѣ екатерининскихъ реформъ становится неузнаваема: балы, танцовальные вечера, спектакли, иллюминаціи, званые обѣды, хорошо убранные городскіе дома — все это входитъ въ обиходъ провинціи, становится потребностью освободившагося отъ обязательной службы и господствующаго въ обществѣ дворянства, у котораго теперь есть досугъ и есть средства — тѣ матеріальныя блага, создаваемыя крѣпостнымъ трудомъ, которыя при охотѣ къ тому, пользуясь узаконеннымъ досугомъ, можно проживать очень веселымъ и пріятнымъ образомъ, а повторявшіеся черезъ каждые три года съѣзды дворянства въ городахъ для выборовъ давали поводъ для особенно усиленнаго проявленія этой общественности; тѣмъ не менѣе общество все же сплачивалось, и люди привыкали жить не одними домашними и карьерными интересами. При ростѣ общаго уровня культурности и распространеніи просвѣщенія должны были усложниться и пересоздаться интересы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жизнь

Новая цена
Руб. — коп. 08

какъ самого сословія, такъ и провинціи, гдѣ оно первенствовало, должна была пойти по тому направленію, которое ей мечтали дать и сама императрица Екатерина II и болѣе просвѣщенные ея современники и сотрудники.

Пособіемъ служили: «*Государевы служилые люди*» Н. П. Павлова-Сильванскаго; «*Дворянство въ Россіи отъ начала XVIII в. до отмѣны крѣпостного права*», А. Романовича-Словатинскаго; «*Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855 гг.*», барона С. А. Корфа; «*Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в.*», Н. Д. Чечулина; «*Очерки по исторіи русской культуры*», П. Н. Милюкова и др.

Научная б-ка им. Горького при ЛГУ

5634

Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ, предкахъ русскаго народа, объ ихъ торговлѣ, о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси, о судѣ, объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*“ и „*Дворъ удѣльнаго князя*“.

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ“ государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*“ и „*Расколъ церкви*“. Картина 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ—взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великого, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всеросійсской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

2
4819-40

картины, которыя очерчиваютъ главнѣйшія изъ реформъ, ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и указ реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35.)

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризуе какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фавор посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): „*Выходъ императрицы Екатерины II*“, „*Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ*“, „*Дворянское собраніе при Екатеринѣ II*“, „*Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.*“.

Картина (42) „*Вахтпарадъ императора Павла I*“ характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), „*Декабристы*“, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—„*Ученье рекрутъ въ Николаевское время*“.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая „*Городъ Николаевскихъ временъ*“, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина „*Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ*“ (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ, съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) „*Люди 40-хъ годовъ*“.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.

1454

Т-во скоропечатня А. А. Левенсонъ, Москва